

УДК 94(47).083

БЫТ И ТРАДИЦИИ В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛИТЕТА СОЦИАЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**Титова А.А.***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, e-mail: shabanova.alesya@rambler.ru*

В статье рассматриваются механизмы формирования и развития менталитета новых социальных групп российского города с учетом влияния особенностей их быта и традиций в период модернизационного развития страны. На рубеже XIX–XX веков шёл процесс трансформации российского общества из сословно-представительского в классовое. Это обусловило модификацию ментальных установок общественного сознания. В целом менталитет российских горожан начала XX века во многом оставался традиционным. Однако изученный в ходе исследования материал рисует картину общества, которое уже в значительной степени утратило прежние ценности и негативно воспринимало ассоциировавшиеся с ними институты (самодержавие, церковь), но все еще не пришло к принятию ценностей современного буржуазного общества. Активно в процессе реструктуризации ментальных характеристик провинциального общества участвовали представители новых социальных и профессиональных групп городского населения.

Ключевые слова: городское население, провинция, социальные и профессиональные группы, менталитет, быт и традиции

MODE OF LIFE AND TRADITION IN THE STRUCTURE OF MENTALITY SOCIAL AND PROFESSIONAL GROUPS URBAN POPULATION RUSSIAN PROVINCE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**Titova A.A.***Belgorod National Research University, Belgorod, e-mail: shabanova.alesya@rambler.ru*

In the article we consider particularity of formation and development of mentality, way of life and traditions of the new social groups of the urban population in the period the modernization of Russia's development. In the late XIX □ early XX centuries was a process of transformation of Russian society of caste society in class society. This led to a modification of the mentality of social consciousness. In the early XX century of Russian citizens mentality was traditional. However, the material studied shows a society which has lost its old valuables, and negatively perceived autocracy, church, but has not yet adopted the valuables of modern bourgeois society. In the process of restructuring the mentality of society, new social and professional groups of the urban population actively participated.

Keywords: urban population, province, social and professional groups, mentality, way of life and traditions

С конца XIX в. в российском обществе происходят изменения, связанные с ускоряющимся ходом истории, модернизацией всех сторон жизни. Одним из проявлений модернизационного процесса стала трансформация менталитета провинциального общества. Параллельно с изменением политических и экономических институтов протекал и процесс модернизации социальных отношений, общественного сознания, приводящий к коренному изменению их «качества». В свою очередь, общественное сознание, менталитет общества в целом и отдельных его составляющих был не только продуктом, результатом развития, но и важнейшим компонентом, определявшим это развитие. А потому важно понять механизмы формирования и развития менталитета новых социальных групп российского города в переломный период разрушения сословной структуры общества и становления буржуазного общества с учетом влияния особенностей их быта и традиций.

Для решения поставленной проблемы необходимо определиться с дефинициями: менталитет, быт и традиции. Под менталитетом мы понимаем духовные основания индивидуального и общественного развития и поведения, которые руководят поступками как отдельных людей, так и общества в целом на том или ином этапе социально-экономического и политического развития. Это совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. «Менталитет представляет собой исторически сложившееся долговременное единство наиболее устойчивых представлений, стереотипов и архетипов, проявляющихся на осознаваемом и неосознаваемом уровнях в виде особого образа мыслей, мироощущения и мировосприятия и имеющих аксиологическое, эмоциональное и поведенческое воплощение» [6, с. 16]. С другой стороны, преломление менталитета на личностном уровне

демонстрирует подвижность и неоднозначность его структуры и содержания. «Менталитет — некая система, нередко противоречивая, которая тем не менее обеспечивает отдельного человека моделью видения мира, способами постановки и решения проблем, с которыми ему приходится сталкиваться» [9, с. 327]. Это не есть что-то неизменно устойчивое, на менталитет могут оказывать влияние меняющиеся обстоятельства. При этом менталитет молчалив и проявляется скорее в повседневной деятельности людей: в позициях, ценностных ориентациях, мотивациях, мировоззренческих и поведенческих стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, в языке. В зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека формируется как сам менталитет, так и перечисленные категории.

Таким образом (помимо национальной психологии и духовных основ народной жизни), важным содержательным компонентом менталитета является сам образ жизни как относительно самостоятельная система основных форм жизнедеятельности человека или социальной группы, связанная с национальным укладом, стилем, обрядностью, повседневностью. А потому традиции и быт неразрывно связаны с ментальностью устойчивых социальных групп, как одни из способов и форм самоидентификации, реализации, трансляции ценностных установок, мировоззренческих идеалов.

Быт многообразен и разносторонен, складывается из множества явлений и элементов человеческой жизни. Общепризнанным является представление о быте как «общем укладе жизни, повседневной жизни, присутствии какой-либо социальной группы» [2]. Сам же уклад есть «установленный порядок, сложившееся устройство», т.е. любое упорядоченное явление, где сложились обычаи, традиции, обряды, можно на основе этого отнести к быту. В более узком смысле быт — это сфера внепроизводственно-экономической и социальной жизни, включающая деятельность, связанную с удовлетворением материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, поддержания здоровья, и деятельность, связанную с освоением духовных благ, культуры, с общением, отдыхом, развлечениями [3]. Традицию же можно считать своего рода составной частью повседневного быта. Это обычай, установившийся порядок в поведении и в быту, то, что унаследовано от предшествующих поколений (идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи) [12].

У различных социальных групп, классов под влиянием географических и социально-

экономических условий складывается свой комплекс бытовых норм, традиций, обычаев, обрядов. При этом в городе и деревне формируются различные формы быта. Повседневный быт оказывает огромное влияние на другие области социальной жизни и, прежде всего, на труд, общественную деятельность, психологический настрой и поведение людей; воздействует на формирование самой личности человека. В свою очередь, быт каждого индивида определяется уровнем его культуры.

Последняя четверть XIX в. — особый период в развитии Российского государства: активный процесс урбанизации и развитие капитализма открыл новые возможности для представителей разных социальных категорий российского города. Переходность периода определила размытость социальной структуры: традиционное деление на сословия постепенно утрачивало свою актуальность, а наследование сословной принадлежности больше не гарантировало человеку определенного места в обществе. В ходе буржуазной модернизации российского общества сословия начинали постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. В основе данного процесса лежала эволюция сословно-ценностных ориентиров, когда под влиянием социально-экономических процессов капиталистического характера сословный статус в общественном сознании уступал место социальному, базировавшемуся на показателях финансового благополучия [14, с. 404]. Базой и внутренним механизмом для трансформации общества из сословно-представительского в классовое, формируемое не законами и обычаями, а экономическими отношениями, считается профессионализация трудовой деятельности. В условиях развития капитализма занятия, а тем более профессия, определялись свободным выбором того или иного лица и выражали активное участие данного лица в социальной жизни страны. Профессионализация городского населения отражала дальнейший процесс разделения труда в обществе. Кроме углубления собственно профессиональной специализации, она предполагает еще и консолидацию «представителей отдельных профессий в профессиональные организации с целью коллективного отстаивания своего общественного статуса и контроля за той сферой рынка, где данная профессиональная группа осуществляет свои функции» [9, с. 142].

В процессе развития профессиональных отношений происходило образование профессиональных корпоративных организаций (групп) для обсуждения

и решения общих служебных проблем, определения единых позиций во взаимоотношениях с администрацией, работодателями и т.д. Параллельно с этим шло межкорпоративное объединение представителей различных профессиональных групп в рамках города, уезда, губернии. Объединения такого плана чаще представляло сотрудничество близких, родственных профессиональных групп. Еще одним направлением в корпоративной консолидации профессиональных групп стало объединение их представителей на личностном, индивидуальном уровне во всевозможных общественных и политических организациях (музыкальные кружки и салоны, театральные труппы, благотворительные организации помощи нуждающимся и т.д.) [13]. У представителей групп постепенно складывалось корпоративное самосознание, включавшее нормы профессиональной этики. Профессиональные корпорации со своей системой корпоративных ценностей и общественной значимостью в определенной степени способствовали консолидации городского населения по профессиональным группам.

С середины XIX в. на фоне привычных сословий происходило формирование и становление новых социально-профессиональных групп населения – рабочие, буржуазия, служащие, чиновники, интеллигенция, маргинальные слои социального дна – объединенных общностью культурно-нравственных ориентиров, уровнем образования, включенностью во властные структуры, сферой занятости, способами извлечения дохода и средств к существованию. В достаточно условной социально-профессиональной стратификации группы делятся по содержанию и условиям своего труда. Особую роль здесь выполняют квалификационные требования, предъявляемые к той или иной профессиональной роли – обладание соответствующим опытом, профессиональным образованием, умениями и навыками [10, с. 53].

Каждая из данных групп отличалась своими определенными характерными чертами, интересами и мировоззренческими установками, проведением производственного и общественного быта. Характерной объединяющей чертой для всех социальных групп городского населения была достаточная традиционность быта горожан, что отражалось в образе жизни и менталитете. Во многом это обусловлено усилившейся мобильностью и миграционными процессами, происхождением значительной части горожан из крестьян, их близостью к сельскому образу жизни. Приток из деревни в город привел к окрестьяниванию городского на-

селения как по социальному составу, так и по образу мысли и образу жизни. Сельские мигранты активно воспроизводили многие социальные нормы общины в городских условиях (традиционную социальность, деревенские стандарты поведения, общинную форму сознания), при этом испытывали и воздействие города. Различные городские новшества, в том числе предметы быта, формы поведения (отношения к старшим, к религии и церкви, собственности и труду) постепенно проникали в крестьянскую среду. В борьбе за городской статус крестьянство пополняло ряды учащихся, включалось в корпоративные общественные организации, крестьяне становились городскими рабочими, служащими.

Основным носителем традиций в городах являлось мещанство, которое составляло основу формирующегося среднего класса. На протяжении всего XIX в. мещане составляли от трети до половины всех горожан; в конце столетия их численность равнялась 44,3% жителей городов [8, с. 3]. В пореформенный период из среды мещанства выходят лица «свободных профессий», интеллигенция, они выступали одним из источников формирования буржуазии и пролетариата. Традиционные формы ярко проявлялись в области обрядовой жизни, проведения праздников и досуга. Для большинства городских групп привычными были кулачные бои, вечерки и посиделки, трактиры и пивные лавки, посещение церкви и народные гуляния на религиозные праздники. Церковь играла большую роль в жизни всего городского населения. Представители разных социальных групп, но в основном средние слои горожан, быт которых отличался устойчивостью и господством традиций, больше всего участвовали в общественно-религиозной жизни, связанной с отправлением культа [1, с. 260]. Однако к концу века в российском провинциальном городе значительная часть населения – в особенности учащаяся молодежь и образованная часть горожан – уже отошла от традиционного религиозного мировоззрения, что проявлялось в более спокойном отношении к религиозной обрядности, религиозным ценностям и духовенству [4, с. 18]. Заметно пошатнули традиционные представления о вере, церкви, царской власти революционные события 1905–1907 гг. Именно с этого времени можно говорить о религиозном индифферентизме городского населения. Это проявлялось и в календарных народных обрядах (праздниках), которые постепенно уходили из жизни горожан или сильно видоизменялись. Город не только видоизменял праздничную

традицию, но и порождает совершенно новые праздники, не имеющие никакого отношения к старым календарным обрядам (празднование юбилеев, памятных дат, царских дней). А варианты праздничного времяпровождения все более дифференцировались по различным социальным средам.

Культура средних слоев представляла в это время сложный конгломерат элементов традиционной крестьянской и новой городской культуры. В городе сфера бытования традиционных развлечений (хороводы, посиделки, кулачные бои и проч.) ограничивалась так называемым «простонародьем», а высшие социальные слои выступали в качестве носителей новой «экспериментальной части» культуры [7, с. 231, 293]. Взаимодействие этих культур порождало особый тип – народной городской культуры.

Усилившаяся межсословная мобильность приводила к сближению ментальных установок различных социальных групп, что также проявлялось в схожих реакциях представителей различных групп на те или иные события и явления общественной жизни. Во многом проявлению этих тенденций способствовало разрушение традиционных установок сознания, стереотипов поведения.

В зависимости от сферы занятости, материального благополучия, уклада жизни формировался повседневный быт социальных групп. Несмотря на то, что у каждой социальной страты имелись свои общие объединяющие черты, вместе с тем образ жизни его представителей внутри социальной группы мог существенно отличаться. К примеру, фабрично-заводские рабочие существенно отличались от непромышленного пролетариата. В свою очередь среди рабочих фабрик и заводов квалифицированные потомственные рабочие и рабочие, недавно пришедшие из деревни и связанные с землей, представляли разные социальные группы. Связь рабочих с деревней продолжала сохраняться до конца имперского периода, что откладывало отпечаток на образ мышления, представления и поведение рабочих. Менталитет рабочих, их быт в значительной степени оставался традиционалистским, с ориентацией на коллективизм и уравнивательность. В то же время в менталитете рабочего и мещанского населения происходят существенные изменения, связанные с частичным или полным отказом от прежних представлений и утверждением нового взгляда на окружающую действительность. Этому во многом способствовали технический прогресс (появление кинематографа, оснащение производства современным оборудованием,

строительство железных дорог и т.д.), новая политическая обстановка (события революции 1905–1907 гг. и ее последствия). Ускоряется процесс разрыва рабочего класса с крестьянским миром, все больше становится потомственных рабочих, окончательно связавших себя с фабрикой, заводом, городом. Уже в конце XIX в. приходит осознание рабочими себя как особого сословия со своим особым поведением. На фоне роста грамотности, культуры появляются негативные черты менталитета городского населения – распушенность нравов, пьянство, хулиганство, непочитание старших, традиционного семейного уклада и т.д. [11, с. 18]. Происходила ломка менталитета, назревал конфликт между «народными низами» и «верхами» общества.

Уровень жизни горожан, в особенности представителей рабочей среды, был крайне невысоким. Сознание абсолютного большинства жителей было настроено на максимально полное использование времени для получения дохода. Малоимущие горожане с готовностью принимались за любую работу, а отдых оценивался как вынужденный простой. Некоторые вынуждены были идти просить милостыню. В конце XIX – начале XX вв. нищенство приобрело значительный размах и составляло по размерам самую многочисленную социальную группу среди маргиналов, людей утративших свой традиционный статус и «непереваренных» новой общностью. Это явление, будучи закономерным следствием быстрой индустриализации, неизбежно оказывалось одним из факторов общественной нестабильности, создавая благоприятные условия для распространения самых радикальных идей, в том числе – нацеленных на решительный разрыв с прошлым. Среди нищих немало было и профессиональных «тружеников», количество которых в конце века составляло 70–80% от общего числа нищих [5, с. 30].

Терпимое отношение к нищим, помощь бедным составляли важнейшую нравственную обязанность православного человека (тогда как в Европе нищенство считалось преступлением). Такие ценности, характерные для западной цивилизации, как собственность, богатство, хозяйство, в исследуемый период не находили широкого и однозначного отклика в общественном сознании горожан. Буржуазные ценности и соответствующий менталитет не проник в массовое сознание русской интеллигенции и купечества. Российское общество чуждалось культа богатых людей, культа наживы, тип купца-предпринимателя был непопулярен. Тем не менее нельзя не видеть позитивной роли купечества, буржуазии, много

делавших в провинции для пользы науки, образования, здравоохранения, обустройства городов. Характер городской жизни в целом был для этой группы традиционен (или они пытались подражать в быту дворянству).

В процессе модернизации административная система значительно усложнилась, что делало необходимым существование управленцев-профессионалов с большим объемом специальных знаний и практических навыков, все больше внимания стало уделяться их образованности. Значительные сдвиги в развитии провинциальной бюрократии как профессиональной группы в пореформенный период принесли существенные изменения в ее социокультурный облик. На особенностях менталитета, традициях и служебном быте чиновничества отразился и социальный состав представителей бюрократии, который накануне революции оказался достаточно пестрым и включал выходцев из всех основных социальных слоев империи. Поскольку государственная служба окончательно не освободилась от сословных традиций, повседневная жизнь провинциальных чиновников определялась, с одной стороны, их «родовыми традициями» и размерами семейного имущества, а с другой – спецификой профессиональной деятельности. В первом случае чиновники могут быть распределены на лиц, пытавшихся вести «благородный» образ жизни, соответствуя эталонам высшего сословия, и тех, кто унаследовал привычки, нравы и проблемы низших сословий. Во втором случае можно говорить о ряде общих для всех чиновников черт повседневности. К ним относились необходимость терпеть скептическое отношение со стороны окружающих, малоподвижный образ жизни, наличие четкого рабочего графика, зависимость самооценки от места в иерархии чинов и званий. По мере профессионализации чиновничества последние черты должны были приобретать все большее значение. На поведение и состояние быта чиновников в значительной мере оказывала влияние недостаточность материального благосостояния: многие должностные лица находились за чертой бедности. Это порождало взяточничество, халатное отношение к исполняемым обязанностям.

Со второй половины XIX в. происходит формирование провинциальной интеллигенции как особой социально-профессиональной группы. Состав интеллигенции определялся региональными особенностями экономического развития и социальной структуры. Представители образованного класса с особыми морально-нравственными качествами не только были заняты специфич-

еским видом труда – умственным, но и активно вовлечены в общественную жизнь. В исследуемый период под эгидой передовой интеллигенции, которая становилась носителем городской культуры, возникают различные общественные организации, проводится культурная, просветительская, благотворительная, научно-исследовательская работа. Благодаря их работе осуществлялось приобщение простонародной публики к достижениям отечественной и мировой культуры, повышение общего культурного уровня горожан. Народное просвещение представители интеллигенции рассматривали скорее как гражданский долг, нежели как коммерчески выгодное мероприятие.

В процессе своей деятельности интеллигенция способствовала ускорению модернизации российского общества, в том числе влияла на изменение устоявшихся стереотипов мышления, быт и традиции в повседневности горожан. Типичные для интеллигенции ценностные ориентиры (повышенный интерес к общественным проблемам и, как следствие, чаще всего оппозиционное отношение к властям; способность критически осмысливать происходящие события и явления, высказывать собственное мнение; антибуржуазность взглядов) определяли специфику ее менталитета. Для большей части интеллигенции, либерально и радикально настроенной, все яснее становилась необходимость кардинальных изменений в общественно-политической сфере. Приходило понимание того, что такие изменения возможны лишь революционным путем, так как итоги первой русской революции показали нежелание власти идти на уступки общественности.

На рубеже XIX–XX вв. в условиях модернизационного развития шёл процесс трансформации российского общества из сословно-представительского в классовое, формируемое не законами и обычаями, а экономическими отношениями. Это обусловило модификацию ментальных установок общественного сознания. Спецификой провинциального менталитета является большая открытость вовнутрь, способная формировать феномен «духовной оседлости» и, как следствие, меньшая восприимчивость к инородным культурным влияниям по сравнению со столичной культурой, инерционность. Менталитет российских горожан во многом оставался традиционным. Бытовой уклад и стереотипы сознания старых сословных групп, в особенности многочисленного крестьянства и представителей старшего поколения, оказывал консервативное влияние на мировоззрения формирующихся новых социально-профессиональных

групп населения. В то же время в ходе модернизации и технического прогресса изменялись социальные условия жизни, расширялись границы мира человека, степень свободы, мобильности населения, появлялись различного рода новшества. Это оказывало воздействие на ослабление традиционной модели поведения, способствовало возникновению новых форм жизни и общения. Зачастую разрушение старых сословных традиций не восполнялось созданием новых, а замещалось обычаями и нормами поведения других сословий и социальных групп (купечество подражало дворянству, бедные тянулись за досугом богатых) или надсословными, общегородскими новациями (кинематограф, чтение, гуляние в парке и т.п.). Передовые, социально активные и более культурно развитые представители социальных и профессиональных групп городского населения активно вливались в новые процессы, формировали новые особенности традиций и быта. Эти новые модели поведения соседствовали, а иногда и противоречили устоявшимся традиционным представлениям. Происходил процесс реструктуризации ментальных характеристик провинциального общества от сословных к гражданским.

Список литературы

1. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
2. Быт // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. С.66.; Быт // Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т.1. А-М. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – С. 109.; Быт // Большой академический словарь русского языка. / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т.2. – М., СПб.: «Наука», 2005. – С. 292 и др.
3. Быт // Российская социологическая энциклопедия; под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Изд. гр. НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 52–53.
4. Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006. – 24 с.
5. Дьяконов И.Ю. Нищенство в дореволюционной России // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 3. – С. 26–38.
6. Ефремова Ж.Д. Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 24 с.
7. Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. – Ульяновск: Изд-во гос. науч. учреждение «Средневожский научный центр», 2000. – 693 с.
8. Кошман Л.В. Мещанство в России в XIX веке // Вопросы истории. – 2008. – Вып. 2. – С. 3–17.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 583 с.
10. Радаев В.В., Шкарятин О.И. Социальная стратификация: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
11. Сергеев А.В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX – XX вв. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2007. – 24 с.
12. Традиция // Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. С. 807.; Традиция // Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т.3. Р-Я. под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – С. 407.; Традиция // Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1998. – С. 713 и др.
13. Шатохин И.Т. Пути и направления консолидации интеллигенции России в конце XIX – начале XX вв. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы регион. конф. по истории демографии и истории географии, посвящен. 75-ю проф. В.П. Загоровского (1925–1994). – Воронеж, 2000. – С. 65–67.
14. Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии) / под ред. В.А. Шаповалова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 428 с.

References

1. Anohina L.A., Shmeleva M.N. *Byt gorodskogo naselenija srednej polosy RSFSR v proshlom i nastojashhem*. M., 1977. 359 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovij slovar russkogo jazyka*. M., 1999. pp. 66.; *Tolkovij slovar russkogo jazyka*: T.1. A-M. Pod red. D.N. Ushakova. M., 2001. pp. 109.; *Bolshoj akademicheskij slovar russkogo jazyka*. gl. red. K.S. Gorbachevich. T.2. M., SPb., 2005. pp. 292 i dr.
3. *Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija*. Pod obshh. red. G.V. Osipova. M. 1998. pp. 52–53.
4. Bushmakov A.V. *Izmenenija mentalnosti gorodskogo naselenija rossijskoj provincii v konce XIX-nachale XX veka*: Avtoref. dis. kand. ist. nauk., Perm, 2006. 24 p.
5. Djakonov I.Ju. *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2007, no. 3. pp. 26–38.
6. Efremova Zh.D. *Formirovanie i funkcionirovanie mentaliteta naselenija malogo provincialnogo goroda*: Avtoref. dis. kand. sociol. nauk. Moskva, 2006. 24 p.
7. Zorin A.N. *Ocherki gorodskogo byta dorevoljucionnogo Povolzhja*. Uljanovsk, 2000. 693 p.
8. Koshman L.V. *Voprosy istorii*. 2008. Vyp.2. pp. 3–17.
9. Mironov B.N. *Socialnaja istorija Rossii perioda imperii (XVIII-nachalo XXv)*: V 2 t. Tom 1. SPb., 2003. 583 p.
10. Radaev V.V., Shkaratin O.I. *Socialnaja stratifikacija*. M., 1996. 318 p.
11. Sergeev A.V. *Mentalitet rossijskogo provincialnogo obshhestva na rubezhe XIX-XX vv.*: Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Izhevsk, 2007. 24 p.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. *Tolkovij slovar russkogo jazyka*. M., 1999. P.807.; *Tolkovij slovar russkogo jazyka*: T.3. R-Ja. Pod red. D.N. Ushakova. M., 2001. P.407.; Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russkij tolkovij slovar*. M., 1998. P.713 i dr.
13. Shatohin I.T. *Naselenie i territorija Centralnogo Chernozemja i Zapada Rossii v proshlom i nastojashhem*. Materialy region. konferencii po istorii demografii i istorii geografii. Voronezh, 2000. pp. 65–67.
14. *Jevoljucija soslovnoj struktury obshhestva Centralnogo Chernozemja v poreformennyj period* (na primere Kurskoj gubernii) Pod red. V.A. Shapovalova. Belgorod, 2005. 428 p.

Рецензенты:

Мошкин А.Н., д.и.н., профессор кафедры российской истории, ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Министерство образования и науки), г. Белгород;

Богданов С.В., д.и.н., доцент, профессор кафедры российской истории, ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Министерство образования и науки), г. Белгород.

Работа поступила в редакцию 18.04.2014.